

Глава вторая

Искусство чукчей

улки являются самой крупной народностью на всем советском Дальнем Востоке. Согласно Всесоюзной переписи населения 1979 г., их численность составляет 14 тыс. человек.¹ Большая часть чукчей проживает в Чукотском автономном округе (11 тыс. человек),² 1,2 тыс. человек — на территории Корякского автономного округа,³ совсем небольшая группа — в Нижнеколымском районе Якутской АССР,⁴ а также в других районах Севера.

Проблема происхождения чукчей — очень сложная, она не раз привлекала к себе внимание выдающихся этнографов, антропологов и археологов.⁵ В отличие от азиатских эскимосов, составляющих по языку (а возможно, и по происхождению) особую эскимосско-алеутскую группу, чукчи вместе с коряками и ительменами и по языку, и по антропологическим данным, и по специфике хозяйства и культуры многими исследователями причислены к северо-восточным палеоазиатам.⁶

Специфические черты культуры северо-восточных палеоазиатов проявляются в основном в эпоху развитого неолита. Археологические данные позволяют заключить, что древняя культура чукчей и других северо-восточных палеоазиатов формировалась под влиянием континентальных культур Якутии и Прибайкалья, а также культур Приамурья и Приморья.⁷ В целом археологический материал, касающийся Охотского побережья, Камчатки и частично Чукотки, позволяет заключить, что этническую основу северо-восточных палеоазиатов составили группы неолитических охотников, проникшие в эти районы из Якутии, из Приамурья и Приморья и, возможно, смешавшиеся с остатками более древнего мезолитического населения и частично унаследовавшие его культуру.⁸

Развивая оленеводство, заимствованное от тунгусских народов, предки современных чукчей (и коряков) освоили обширные тундровые районы Камчатки, Охотского и Берингоморского побережий. В результате продвижения на север, в глубь Чукотки, отдельных групп оленеводов-охотников и длительного отрыва их от основной массы коряков, как полагает И. С. Гурвич, и сложилась особая народность — чукчи.⁹

По мнению И. С. Вдовина, обособление чукчей произошло в связи с тем, что юагиры, потесненные тунгусами и якутами в XIV—XIX вв., заняли бассейн Анадыря и «отрезали» чукчей от коряков.¹⁰ Согласно другой точке зрения, предки чукчей-олeneводоv просочились сквозь редкие юагаирские кочевья по р. Анадырь на север Чукотки.¹¹

В этих сравнительно бедных оленем и рыбой районах переселенцы, естественно, старались держаться около побережья, где сталкивались и смешивались с эскимосами. Вероятно, первые группы оленеводов-палеоазиатов, проникавшие на Чукотский полуостров, существовали не столько за счет домашнего оленеводства, сколько за счет охоты и рыболовства. Этим, очевидно, объясняется то, что в чукотском народном календаре, в астрономических представлениях и фольклорных материалах наличествуют данные, свидетельствующие о значительной роли охоты на дикого оленя в хозяйстве древних чукчей.¹²

Как бы то ни было, уже в V—VII вв. к азиатским эскимосам присоединились чукчи-охотники на дикого оленя. Продвигаясь в поисках добычи все дальше на север, чукчи вышли на берег Северного Ледовитого океана. Именно с этого времени и начался, по-видимому, постепенный переход кочевых чукчей к оседлому образу жизни, а малочисленные азиатские эскимосы начали ассимилироваться с чукчами.

Соприкосновение двух культур — чукотской оленеводческой и эскимосской культуры морских зверобоев — было прогрессивным. Многовековые связи, а также принадлежность чукчей и эскимосов к одной так называемой арктической расе, формировавшейся в районе Берингова пролива,¹³ позволяет сегодня рассматривать народное декоративное искусство береговых чукчей и азиатских эскимосов, особенно в области художественной обработки кости, как единое культурное явление.

Однако отсюда вовсе не следует, что искусство чукчей подобно эскимосскому, что оно не обладает определенной этнической спецификой.

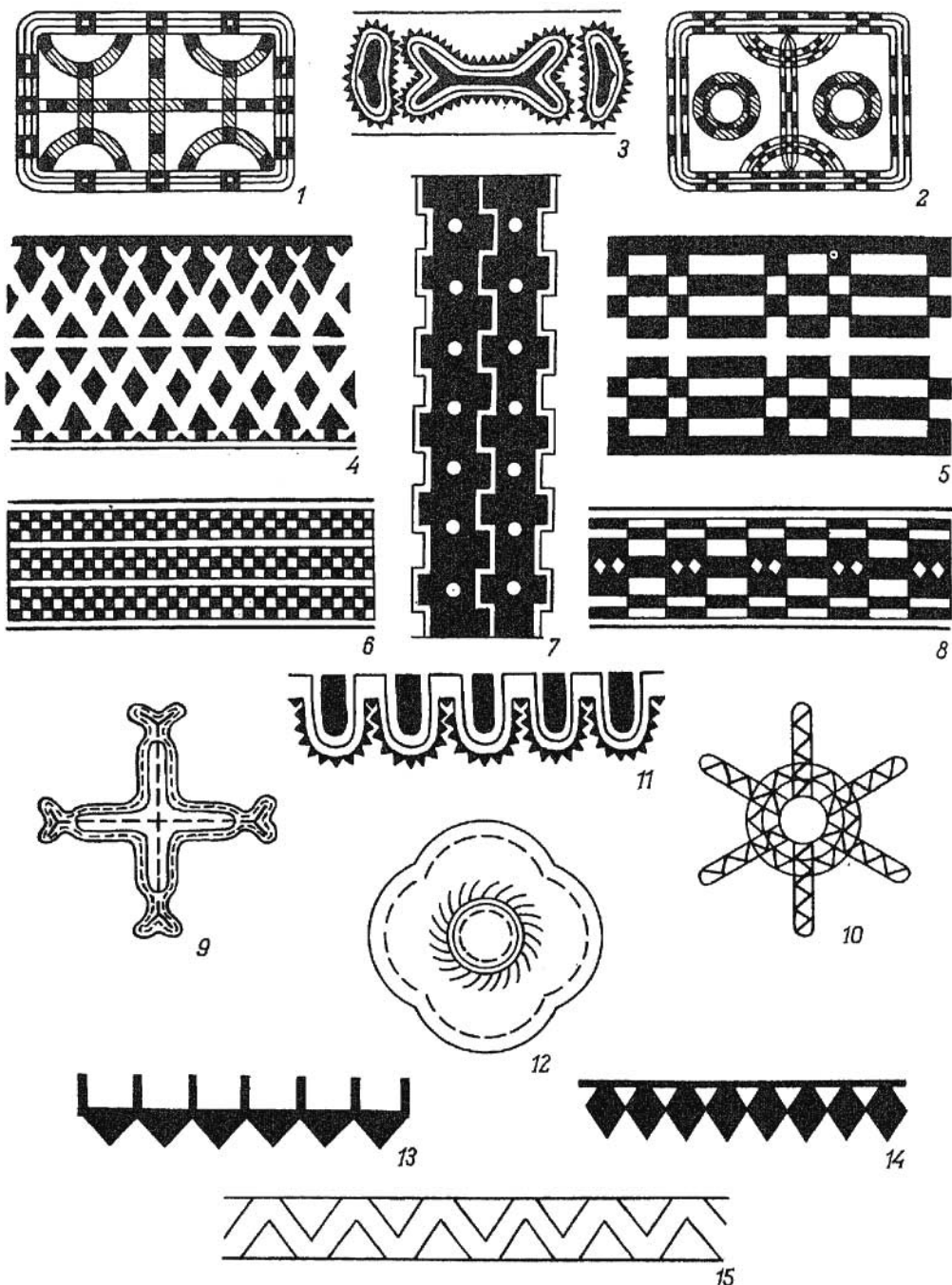
Чукчи создали на протяжении веков самобытное и оригинальное народное декоративное искусство, в котором нашли свое отражение жизнь охотника, морского зверобоя и оленевода, их необычно острая наблюдательность, тонкое знание повадок и образа жизни животных арктической тундры и моря.

Это искусство прошло несколько периодов развития. С приходом чукчей на Чукотский полуостров древнеберингоморский этап эскимосской культуры сменился, как известно, во второй половине 1-го тысячелетия пунукским, длившимся примерно до начала 2-го тысячелетия. Именно в этот период криволинейный берингоморский орнамент в культуре сменяется строгой прямолинейной орнаментикой, дошедшей и до нашего времени. В XVIII—XIX вв. народное декоративное искусство чукчей приобретает более реалистические черты. В начале XX в. появляется сюжетная гравировка на кости, уходящая своими истоками, вероятно, в пегтымельские петроглифы 1-го тысячелетия до н. э., а также в ритуальные рисунки на дереве.¹⁴

Охотничий промысел развил у чукчей точное знание анатомии зверя, его повадок. Но одухотворение животного мира породило и известную иллюзорность восприятия живой природы. Следствием этого явилось слияние в народном декоративном искусстве чукчей реальных представлений об окружающем мире с фантастическими, мифологическими.¹⁵

Это специфическое мировоззрение чукчей прошло через столетия и сохранилось в некотором преломлении вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Переход к социализму малых народов советского Севера, и чукчей в том числе, вызвал целый ряд коренных общественных, культурных и бытовых преобразований. Но и в настоящее время в народном декоративном искусстве чукчей (и в профессиональном декоративно-прикладном творчестве) нередко причудливо переплетается реальность с миром фантазии, придавая этому искусству особую поэтическую цельность и яркое своеобразие.¹⁶

Этническую специфику народного декоративного искусства чукчей определили не только своеобразные материалы, но и национальный орнамент, очень мелкий (по сравнению с эскимосским) и строго геометрический по своим формам и по структуре. Этот орнамент заметно варьировался в за-

Орнамент чукчей на изделиях из мягких материалов: 1—3 — узоры из кожи и меха на колчанах. МАЭ, № 408-68; 4—5 — узоры на торбасах. МАЭ, № 8269, 20-15; 6, 8 — узор на кожаном поясе. ХКМ, № 9165; 7 — узор на торбасах. МАЭ, № 395-34; 9—10 — узоры на сумке и на колчане. ХКМ, № 9936 и 5632; 11—12 — розетки на мяче. МАЭ, № 611-98; 13—15 — узоры-аппликация на коже, кол. С. В. Иванова. Таблица составлена автором.

висимости от тех материалов, из которых он делался, и от тех предметов, которые он украшал. Совершенно очевидно, что меховая мозаика, например, позволяла пользоваться только геометрическим орнаментом простейшей формы, отделка кожи методом прорезания на ней ямчатых углублений или способом аппликации позволяла исполнять более мелкие и изящные узоры, а вышивка и рельефные швы давали уже возможность шире использовать криволинейные мотивы геометрического орнамента, а затем (по мере усиливающихся контактов с русским населением) и растительного орнамента.

Как и в народном декоративном искусстве азиатских эскимосов, в искусстве чукчей также наблюдалось строгое разделение труда между мужчинами и женщинами. Поэтому представляется целесообразным, говоря об этнических традициях, рассмотреть отдельно женское искусство чукчей на примере художественных изделий из мягких материалов и мужское искусство, представленное произведениями, выполненными из кости, камня, металла, дерева.

До наших дней не дошли, к сожалению, произведения древних чукотских мастериц. Если же судить по собраниям музеев, хранящих предметы быта и искусства чукчей начиная со второй половины XVIII в., кожа и мех оленя, нерпы, лахтака, россомахи и собаки являлись, по-видимому, самыми древними и наиболее распространенными материалами для шитья одежды, обуви, пологов, сумочек, других предметов домашнего и хозяйственного обихода. Эти же материалы служили и для украшения вещей орнаментом. Искусство художественной обработки изделий из кожи и меха всецело находилось в руках женщин.¹⁷ Этому их учили в семьях с малолетства.

С удивительным терпением и любовью чукчанки производили порою тончайшую работу по украшению орнаментом изделий из кожи и меха, работу, требовавшую значительной затраты времени и сил.

Особое место в художественно-технологической обработке кожи занимала выделка мандарки, особо обработанной шкуры нерпы, с удалением волосяного покрова, прекрасного материала как для декоративных отделок, так и для шитья целой вещи (летних торбасов, тапочек, сумок, поясов и т. п.). Хорошо выделанная мандарка имела чистый белый цвет или очень красивый бежевый. Характерно было при этом применение мастерицами разнообразных рельефов на этом фоне, получающихся путем всякого рода накладок из тонких ремешков (из той же мандарки), а также аппликационных работ с применением не только ремешков, но и жгутов из белого и черного подшейного волоса оленя.¹⁸ Чукчанки знали различные приемы художественного оформления вещей из мандарки. Один из них — создание высокого рельефного декоративного шва, применявшегося при изготовлении обуви, сумок, колчанов для стрел, мячей, особенно там, где требовалось прочное соединение двух деталей (например, крепление толстой подошвы кожаных торбасов-сапог с их верхней частью). В таком случае соединение деталей производили с одновременным креплением двух полосок мандарки — одной, более широкой (до 1,5 см), сложенной вдвое, которая крепилась между основными деталями, и другой, узкой (до 4 мм), прокладывавшейся вдоль верхнего среза и перехватывавшейся стежками сухожильных ниток на равном расстоянии друг от друга.¹⁹ Таким образом получался очень красивый рельефный шов из белой полоски мандарки, контрастирующей с темной кожей.²⁰

Подшейный волос оленя (как материал для вышивания) применялся почти всеми народностями Крайнего Северо-Востока Азии, но каждой по-своему. В творчестве чукотских мастериц накладные швы из оленьего волоса находили раньше и находят ныне применение при отделке одежды, сумок, рукавиц, других бытовых предметов. Разнообразя фактуру материала и орнамента, чукчанки сочетали сразу несколько видов крепления:

простые швы, зигзаг и многие другие приемы вышивки из оленьего волоса, придуманные самими мастерицами. Изделия, орнаментированные оленьим волосом, всегда выглядят очень нарядно, празднично. Среди многих секретов мастерства следует назвать комбинированный декоративный шов, при котором олений волос пропускался через петли кожаной полоски, продетой в надрезы в коже.²¹

Основным материалом для изготовления зимней одежды как оленным, так и приморским чукчам служили олени шкуры. Приморские чукчи, кроме оленьих шкур и подержанной готовой одежды, приобретаемых у оленных чукчей, употребляли для изготовления одежды также тюленью шкуру. По данным Н. Ф. Прытковой, существовала взаимная зависимость двух основных чукотских групп: приморские чукчи заинтересованы были в получении от оленных чукчей шкур для зимней одежды, а оленные от приморских — обуви, сшитой из шкур морских животных, кожи лахтака для подошв.²²

Верхнюю зимнюю глухую одежду, сшитую из оленьего меха шерстью наружу, чукчи плотно пригоняли по нижней. И верхнюю, и нижнюю одежду, идентичную по покрою, они сшивали из двух целых шкур. Сзади одежда имела небольшой вырез, на груди более глубокий. Верхнюю и нижнюю одежду, надетую одна на другую, чукчи подпоясывали с напуском с помощью узкого ремня. За пазуху они обычно клали кисет с табаком и трубкой, спички, а на ремень подвешивали нож.²³

Мужская обувь чукчей различалась по сезонам, форме, покрою и по материалу, из которого она изготовлялась. По раскрою подошвенной части обувь может быть подразделена, по классификации Г. М. Василевич, на поршневидную (с подошвой в виде поршня) у приморских чукчей и башмаковидную (с подошвой, выкроенной по ноге) у оленных чукчей.²⁴

У оленных чукчей мужская зимняя обувь была короткой, сшитой мехом наружу из оленьих камусов. Для осен-

ней и весенней обуви подошвы выкраивали из моржовой или лахтачьей шкуры мехом внутрь, а летнюю большей частью шили из дымленины (оленьей шкуры, продымленной над очагом и поэтому водонепроницаемой). Она была почти черного цвета, лишена шерсти, нескоро промокала, а высыхая, не коробилась, что и являлось ее главным преимуществом.²⁵

Чукотские рукавицы были двух покровов: скроенные из двух половин и скроенные целиком из одного куска шкурки или кожи (сшивались одним швом). Летние рукавицы по виду и покрою не отличались от зимних. Шили их из тюленьей шкуры или ровдуги, кожу окрашивали в черный цвет. Весенние рукавицы шили из камуса и дымленины: наружную часть из белого камуса, ладонную — из дымленины.²⁶

Перчатки, заимствованные, вероятно, от русских и эвенков, чукчи шили из оленьего камуса двух цветов: из дымленины или из тонкой ровдуги.²⁷

Чукчи редко надевали головные уборы — капоры, рассчитанные лишь на дальнюю дорогу и большие холода. И оленные, и приморские чукчи зимой носили двойной капор, состоящий из верха и подклада, или же надевали два самостоятельно сшитых капора один на другой. По данным Н. Ф. Прытковой, среди чукчей были распространены капоры трех типов: круглый, или чепцеобразный, скроенный из трех частей (продольной полосы, покрывающей темя и затылок, и двух лопастей, защищающих боковые части головы); ромбовидный, у которого продольная часть расположена по темени к затылку («корякский капор»); капор эвенкийского типа, у которого продольная полоса, прикрывающая темя и затылок головы, — прямая, не суживающаяся.²⁸

Женская одежда чукчей была повседневной и праздничной, различалась, как и мужская, по сезонам и состояла из нательной и верхней, головного убора и обуви. Женский комбинезон *кэркар* был двойным. Поверх двойного комбинезона жен-

Образцы обуви чукчей начала XX в.: 1—3 — обувь оленных чукчей. МАЭ, № 956-33, 1791-36, 422-3; 4—6 — обувь приморских чукчей. МАЭ. № 611-79, 395-34, 611-81. Рисунок автора.

щины надевали еще верхнюю одежду, сшитую из осеннего стриженного оленьего меха, шерстью внутрь, при этом наружную сторону одежды окрашивали ольховой корой в красный и коричневый цвета. Такую одежду обычно надевали зимой при перекочевках, при поездках в гости, а также во время празднеств.²⁹

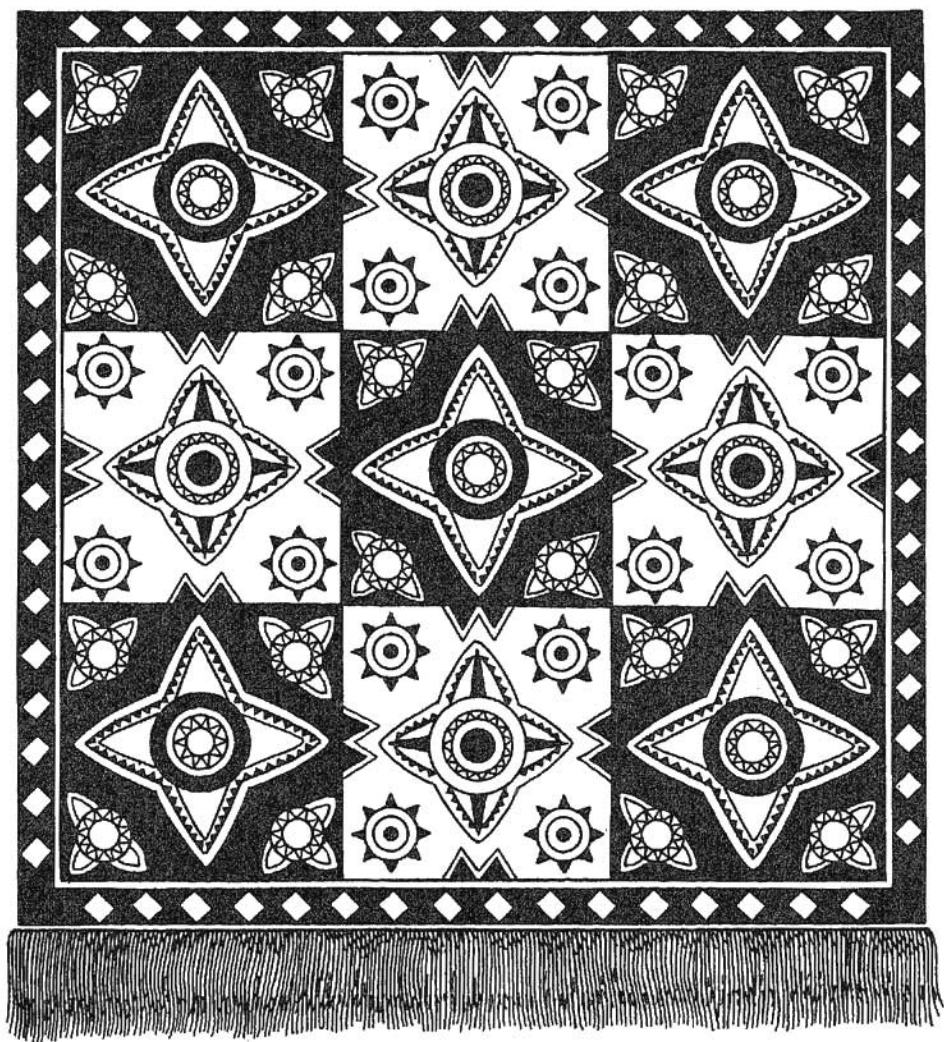
Украшение верхней женской одежды, располагаемое над подолом, состояло из полосы черной кожи с прорезами и с продержкой в них полосок из белой замши или тонкой кожи и, наоборот, — из полос светлой замши с продержкой полосок из черной кожи. На спинку и перед одежды мастерицы пришивали клочки меха и большое количество тонких окрашенных кисточек из ровдуги. В орнамент чукчанки включали, как правило, небольшие кусочки нерпичьей шерсти, окрашенной в красный цвет. Украшением являлись также замаскированные круглые заплатки — дефекты оленьей кожи, на которые нашивали кусочки ровдуги с нарезанной бахромой, а также швы полукруглых клиньев с подвесками.³⁰

И кожаная одежда, и другие изделия из мягких материалов часто украшались орнаментом. Орнамент был строго геометрический, с преобладанием прямолинейных форм. Особенно широко были распространены полосы (так называемый полосовой орнамент), мелкие квадраты и прямоугольники (нередко расположенные в шахматном порядке), шевроны, треугольники, диагонально пересеченные прямоугольники, зигзаг, ромбы, полуовалы, круги, полукруги, циркульный орнамент, пунктир, сетка, четырехугольные, приближающиеся к кругу розетки, Y-образные фигуры, напоминающие китовые хвосты, сердцевидные и Ж-образные фигуры и составленные из них кресты.³¹ По мере все усиливающихся контактов с русскими в чукотский орнамент входят мотивы растительного орнамента. Появление его было связано несомненно с выходом художественной продукции чукчей на внешний рынок и влиянием русского народного декоративного искусства.³²

Наиболее часто растительный орнамент встречался в вышивке чукчей конца XIX — начала XX в., особенно на расшитых шелком, оленьим и подшейным волосом и бисером тапочках из нерпичьей кожи, изготовляемых березовыми чукчами.³³ Заимствованные у русских цветочные узоры довольно широко распространились на рукавицах и ковриках из нерпичьей шкуры. Интересно, что растительный орнамент здесь гармонично сочетается с традиционным «полосовым», а в технике исполнения немаловажную роль продолжала играть сугубо традиционная техника вышивки оленьим волосом.

Элементы растительного орнамента привились так быстро в искусстве чукотских мастериц потому, очевидно, что это заимствование совпало с общим направлением северного орнамента, эволюция которого, как справедливо отметил С. В. Иванов, идет «по линии превращения геометрических мотивов в растительные».³⁴ Но это отнюдь не означает, что древний геометрический орнамент чукчей лишь стремится видоизмениться до растительного. Он и в настоящее время продолжает жить в их народном декоративном искусстве, занимая по-прежнему главенствующее положение в украшениях национальной одежды и обуви.

В орнаментике на традиционной праздничной одежде чукчей, на обуви и на колчанах вплоть до начала XX в. преобладали кружки. Так, например, старинный колчан чукчей из собрания Государственного музея этнографии народов СССР (кол. № 2105-50) в верхней своей части украшен несколькими концентрическими кругами, на кожаный мяч из того же собрания (кол. № 611-98) нашиты лучистые круги из кожи и волоса. Крупные, до 25 см в диаметре, концентрические лучистые круги чукотские мастерицы нашивали на покрытия и пологи для нартов *кааран*, служивших для перевозки детей (кол. № 2085-149). Эти круги сшивались из темной и светлой кожи, белого оленьего волоса, цветных ниток и дополнительно украшались опушкой

Чукотский коврик конца XIX в. Мандарка, аппликация кожей. ГМЭ, без номера. Рисунок автора.

из белого собачьего меха. На других же кожаных предметах чукчей из собрания Приморского краеведческого музея им. В. К. Арсеньева, особенно на поясах (инв. № 259), на кيسетах для хранения табака и огнива (инв. № 264-1, 264-2, 264-3, 264-4), на кожаных сумочках для хранения мелочей (инв. № 246-1, 246-2, 246-3), а также на мужских и женских торбасах (инв. № 260-1, 260-2, 260-3, 260-4, 260-5) встречались аппликации, составленные из мелких кожаных квадратиков и полосок.

И праздничная одежда, и пологи, и кожаные детали нарт и саней, и пояса, и сумочки, и кисеты — свидетельство тонкого и высокого мастерства их создателей, высокоразвитого художественного вкуса чукчанок, сумевших создать своеобразную классику традиционного народного декоративного искусства. Сегодня трудно согласиться с замечанием В. Г. Бого-раза о том, что чукотские женщины якобы не очень ловки в вышивках, их исполнение не отличается аккуратностью и хуже корякского.³⁵

Помимо шитья одежды и других бытовых предметов из кожи и меха и их орнаментации, чукотские мастерицы умели плести удивительно красивые сумки и мешочки из волокон дикой ржи и других растений приполярной тундры. В этих сумках и мешочках чулчанки хранили свои принадлежности для шитья и вышивки. Технический прием плетения был не таким уж простым — в основу волокон вплетались более темные, чем сама сумка, травы, создавая изысканный и четкий по своей графичности геометрический орнамент.³⁶

Интересно, что на многих традиционных изделиях из кожи, созданных чукотскими мастерицами, можно было встретить, помимо орнамента, и различные рисунки животных и человека. Изображения «личных защитников» иногда рисовались на стенках спального полога.³⁷ Это чаще всего была фигура касатки. На одежде или на обуви изображения животных и человека делались только при особых обстоятельствах (например, во время весеннего и осеннего жертвоприношений животным, а также при заболевании кого-либо из членов семьи). При заболевании шили иногда и специальную обувь, на которую наносили вырезанные ножом из белой нерпичьей кожи изображения животных и пришивали их к торбасам сухожильной ниткой.³⁸

Что касается фигур человека, то они также вырезались из кожи и нашивались на круглые кожаные кружочки, украшенные кисточками или опушкой из меха. В. Г. Богораз считал, что эти кружочки являются амулетами. Подобные амулеты считались у чукчей, а также у коряков и у азиатских эскимосов самым сильным средством против болезней. Их пришивали к кушанке на плечо, на грудь или против той части тела, в которой чувствовалась боль. В центре кожаного кружка пришивали одну или две кожаные фигурки, изображавшие, по-видимому, человека — «защитника».³⁹ Небольшие антропоморфные фигурки нередко вышивались на чукотских кожаных колчанах (например, на колчане

из Хабаровского краеведческого музея, инв. № 5632 или на колчане XIX в. из Приморского краеведческого музея, инв. № 2103), а также рисовались красной краской на старинных кожаных панцирях. Значение их пока неизвестно. Не лишено вероятности, что в этих фигурах чукчи видели тех же «охранителей», или «защитников», которые изображались ими на амулетах.⁴⁰

Подлинными произведениями искусства являлись многие чукотские кожаные колчаны для стрел. В этом отношении характерен колчан из коллекции Приморского краеведческого музея. Неизвестная мастерица XIX в. использовала для его создания и мандарку, и ровдугу, и оленьи сухожилия, проявив себя и в узорном шитье, и в стачивании, и в аппликации, и в вышивке. По всей поверхности передней части предмета она расположила изумительные по красоте и по ритмическому строю ряды узких кожаных полосок, каждая из которых путем продержки красных ремешков кожи служит как бы основой для «шахматного» орнамента. Белая мандарка красиво контрастирует с желтыми ремешками-полосками и с ярко-красными ремешками-плетенками. Четыре яруса орнаментальных рядов нашиты на темную поверхность самого колчана. Верхний, пятый ярус представляет собой прямоугольник, контуры которого составлены также из узких ремешков желтого и черного цветов, контрастирующих с белой полоской мандарки. Сам прямоугольник разбит узкими ремешками-диагоналями на четыре части, в двух из которых на темном фоне даны фигурки человечков, как бы «шагающих» друг другу навстречу.

Еще сложнее антропоморфные фигуры изображены в верхнем ярусе колчана из Хабаровского краеведческого музея. Здесь прямоугольник из кожи черного цвета разделен на четыре почти равные части-квадратики. В двух нижних квадратах дано символическое изображение Солнца с расходящимися «лучами», и это изображение рисуют ярко-белые кожаные ре-

мешки, украшенные красными кожными клеточками. В двух верхних квадратах мастерица рисует в каждом по два «человечка», причем один из них словно стоит на своеобразных «качелях», а другой — раскачивает одной рукой эти «качели». Однако значение этой композиции совершенно непонятно. С одной стороны, человеческие фигурки выступают в роли «охранителей», «защитников», а с другой — они и между собой вступают в определенные и взаимозависимые связи.

Интересно, что кожаные кружки, отороченные мехом, еще совсем недавно любили носить чукотские шаманы. На этих кружках были нашиты вырезанные из нерпичьей кожи изображения человека и собаки. Старички-чукчи эти кружки, по данным И. П. Лаврова, считали изображением Луны.⁴¹

Кроме кружков с антропоморфными изображениями, чукчи изготавливали амулеты, символизировавшие Солнце, и пришивали их к своей одежде. Эти амулеты считались полезными, особенно в тех случаях, когда на людей «нападали» злые духи.⁴² Шились амулеты обычно из кожи и меха и расшивались белым оленьим волосом, сухожильными нитками, красной шерстью. Опушка из красной шерсти олицетворяла, по мнению чукчей, лучи Солнца.

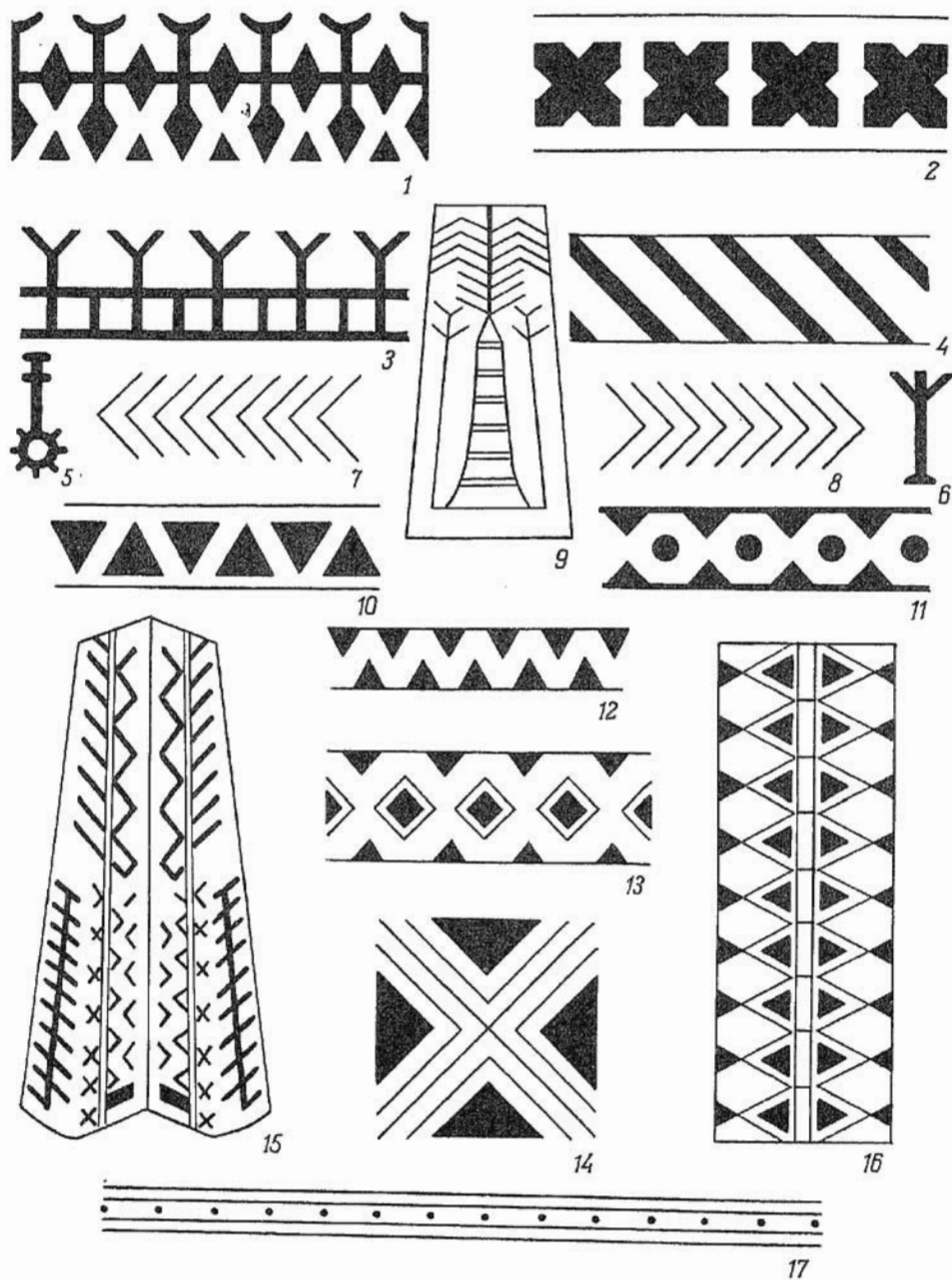
Как и у азиатских эскимосов, у чукчей также была распространена татуировка, занимались которой преимущественно женщины. Среди знаков татуировки преобладали изображение человека, фигуры, обозначающие китовые хвосты, рисунки Солнца и Луны. Татуировка наносилась на лице (обычно на лбу), на плече или на руке. Татуированные фигурки человечков носили крайне упрощенный характер. Человек условно изображался в виде прямой, раздвоенной внизу черты, со слегка опущенными или поднятыми руками, голова не выделялась, пальцы на руках и ступни ног не обозначались. По мнению В. Г. Богораза, чукчи наносили себе знак, изображающий фигурки людей как символ убитых ими врагов. Тем самым они стремились

как бы превратить врага в своего помощника или сделать его частью своего собственного существа.⁴³ Знак в виде хвоста кита был несомненно связан с охотой на этого животного. Широко распространенный в искусстве чукчей символический знак Солнца обычно имел вид концентрического круга или овала, знак Луны — вид полумесяца. Знак в виде хвоста кита изображался обычно после каждого убитого животного на лице охотника. Знаки Солнца и Луны татуировались у женщин на лопатках или на лобке.⁴⁴

Даже эти приведенные выше примеры, несмотря на их неполноту и малочисленность, ясно показывают, что именно в женском искусстве чукчей в течение многих веков хранились этнические традиции, определявшие специфику, содержание, образный строй и характер неповторимого народного творчества этой народности.

Если изготовление художественных изделий из мягких материалов было у чукчей женским домашним производством, в которое была вовлечена практически каждая семья, то художественная обработка таких твердых материалов, как кость, дерево, металл, камень, в дореволюционное время находилась в руках только мужчин.

По-видимому, у чукчей не было своих кузнецов. Кузнечные работы для них выполняли юкагиры и русские, иногда и эвены,⁴⁵ которые выменивали чукчам свои изделия на шкуры оленей. Несмотря на то что у чукчей не было своих кузнецов, железо стало известно им ранее других металлов. На это указывают, например, названия красной меди — *ну-пылвынтан* (красное железо) и серебра — *етчы-пылвынтан* (дорогое железо).⁴⁶ Только отдельные чукчи умели обрабатывать металл. Известно, что из металла, полученного от своих соседей — юкагиров и коряков чукчи изготавливали наконечники копий и стрел, украшенные резьбой и насечкой. Рисунок орнамента представлял собой широкие волнистые линии, чаще всего с завитками, направ-

Орнамент чукчей на изделиях из твердых материалов: 1—2 — узоры на курительных трубках, металл. МАЭ, № 611-91, 2368-26; 3 — инкрустация оловом по дереву (Иванов С. В., 1963); 4 — инкрустация оловом по дереву. МАЭ, № 434-38; 5—6 — узоры на металлических частях трубок. ГМЭ, № 2035-232, 2035-236; 7—9 — узоры на костяных частях предметов. ГМЭ, № 2035-140, МАЭ, № 611-49, 611-90; 10—11 — поводок собачьих нарт. ГМЭ, № 2083-48; 12 — пуговицы костяные. МАЭ, № 752-22; 13 — палка костяная для выбивания снега. МАЭ, № 434-7; 14 — набалдашник. МАЭ, № 434-6; 15—16 — узоры на костяных пластинах трубок. МАЭ, № 434-38/2, ГМЭ, № 4744-75; 17 — напальчник костяной. ГМЭ, № 4859-52. Таблица составлена автором.

ленными в противоположные стороны.⁴⁷ Эти узорные линии глубоко врезались в металл и создавали впечатление двойного контура.

Однако, несмотря на некоторые умело исполненные изделия, чукотский художественный металл в целом не имел таких своеобразных черт, которые бы подчеркивали его этническую специфику. По всей вероятности, это были все же работы одиночек-умельцев, живших по соседству с юкагирами или коряками.

Что же касается художественной обработки кости, то этот вид народного декоративного искусства чукчей достиг наибольшего совершенства и представляет собою исключительное и уникальное явление в декоративном искусстве всех остальных народностей Крайнего Северо-Востока Азии (за исключением азиатских эскимосов, много веков тесно работающих в этом виде творчества совместно с чукчами, и коряков, искусство которых будет рассмотрено в следующей главе).

Чукчи, как и азиатские эскимосы, делали из кости моржа и другого морского зверя самые необходимые им орудия труда — наконечники гарпунов их вспомогательные детали, наконечники стрел, иглы, пуговицы, застежки, охотничьи и детские санки, блоки, заколки, рукоятки женских ножей, детали парусного такелажа, снаряжение охотника-оленевода и многое другое. Помимо моржовых бивней, применялись в хозяйстве чукчей и кости китов, из челюстей которых подбивались полозья нарт, кили лодок. Кроме орудий труда и приспособлений к ним, из моржовой кости делались маленькие фигурки животных, людей и сказочных мифологических существ, которыми чукчи издавна украшали оружие, различные предметы и даже одежду. Некоторые из этих фигурок служили амулетами, предохранявшими, по мнению чукчей, охотника на морского зверя и оленевода от злых духов и от различных несчастий.⁴⁸

Умение обрабатывать кость для создания необходимых орудий труда и промысла послужило истоком искусства резьбы по кости и у чукчей, и

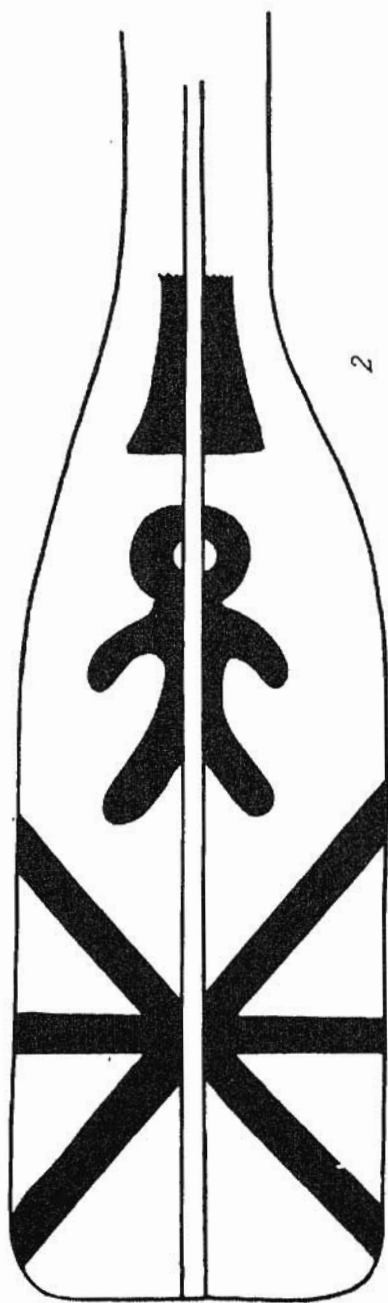
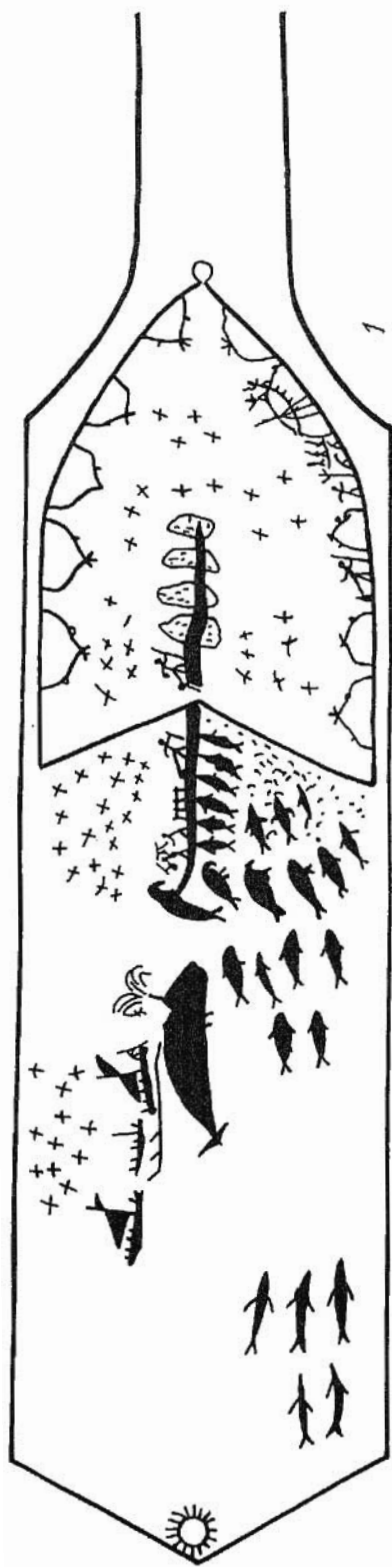
у эскимосов, и у коряков, и у алеутов, и у других народов Севера.

Выдающийся русский исследователь Камчатки и Чукотки XVIII в. С. П. Крашенинников восторгался искусством чукчей: «Из всей работы сих диких народов, которую они каменными ножами и топорами весьма чисто делают, ничто мне так не было удивительно, как цепь из моржовой кости. . . Она состояла из колец, гладкостию подобных точеным, и из одного зуба была сделана; верхние кольца у ней больше, нижние меньше, а длиною она была немного меньше поларшина. Я могу смело сказать, что по чистоте работы и по искусству никто б не почел оную за труды дикого чукчи и за деланную каменным инструментом».⁴⁹

Чукотские изделия из кости XVIII—XIX вв. широко представлены в коллекциях музеев СССР и в некоторых зарубежных музеях и частных собраниях.⁵⁰ Большой частью они опубликованы.⁵¹

Эти изделия имеют большой интерес для исследователя как с точки зрения их самобытности и уникальности, так и по своему содержанию, по тем идеям и представлениям, которые с ними были связаны. Многие из этих представлений восходят к глубокой древности (например, представление человека о себе как о части Вселенной, иллюзорность восприятия живой природы, слияние в искусстве реальных, фантастических и мифологических представлений) и позволяют в какой-то мере проникнуть в малоисследованную пока еще область первобытного мировоззрения, осколки которого сохранялись у многих народов Сибири и Дальнего Востока еще в XIX и даже в начале XX в.

Дореволюционная чукотская скульптура из кости носила главным образом анималистический характер. Распространены были изображения моржей, китов, нерп, тюленей, собак, птиц. Типичным для этого вида искусства был устойчивый размер фигур (от 2 до 8 см). Многие скульптуры украшались гравированным орнаментом в виде точек, коротких полосок,

Рисунки на веслах чукчей начала XX в.: 1 — из собрания И. П. Лаврова; 2 — из кол. С. В. Иванова (1954). Рисунок автора.

ритмически организуемых поверхность скульптурной формы.

Как и в искусстве азиатских эскимосов, у чукчей материалом для скульптуры издавна служили моржовый клык, кость мамонта, рога оленя, снежного барана. Кость, распаренная в кипятке, сравнительно легко поддавалась обработке узким, отогнутым назад ножом или примитивным резцом.⁵²

В декоративной скульптуре чукчей XIX—начала XX в. ощущается большая близость к изделиям мастеров древности: изображения моржей, тюленей, нерп хорошо передают малорасчлененный объем и свойственную этим животным подвижность. Силуэт таких скульптур предельно силен и прост, форма не разработана в деталях, фигуры животных обтекаемы. Однако в XIX в. появляются и другие скульптурные произведения, в которых уже заметны нарушения той неподвижности, статичности, которая была раньше, большая живость и внимание мастера к различным деталям, подчеркивающим индивидуальный характер того или иного животного. Нередко чукотский мастер показывает и поворот головы белого медведя, и подвернутые лапы тюленя, и песка с настороженно поднятыми ушками и острой мордочкой, и птицу, готовящуюся к полету.

С течением времени менялось и значение в декоративной скульптуре чукчей орнамента. Если в искусстве прошлых веков орнамент выполнял и чисто декоративную роль и роль, отражавшую магические представления древних мастеров, то к XIX в. он теряет магическую функцию. Это в известной мере подтверждается тем, что большинство скульптур нового времени украшается орнаментом, в то время как в изделиях древнеберингоморской культуры орнамент украшал в основном вещи, имеющие непосредственное отношение к охоте.⁵³

Изобразительное искусство чукчей в области графики имеет очень давние корни. Это подтвердилось открытием в 1967 г. техником-геологом Н. М. Саморуковым петроглифов на р. Пегты-

мель в Заполярной Чукотке, исследованных впоследствии археологом Н. Н. Диковым.⁵⁴ На скалистых выступах были обнаружены силуэтные изображения, выполненные способом неглубоких выбивок, притирания и вышлифовывания. Анализируя петроглифы Пегтымеля, Н. Н. Диков отметил в них сочетание изображений морской охоты и охоты на дикого оленя и сделал важный вывод, что авторами этих петроглифов были древние предки чукчей и эскимосов. Он обратил внимание на то, что у пегтымельских петроглифов «... много общего по стилю и содержанию с чукотским и эскимосским изобразительным искусством последних столетий, особенно с косторезным».⁵⁵ По данным Н. Н. Дикова, и силуэтность петроглифов явно перекликается с силуэтностью, заштрихованностью как чукотских, так и эскимосских изображений на кости, а в искусстве чукчей — и на коже. Близка и их наивно-реалистическая трактовка: мотивы охоты на оленей и морских зверей можно видеть на культовых веслах и на байдарных скамьях, на праздничных дощечках и на других предметах чукчей и эскимосов. Это неоднократно отмечал и С. В. Иванов.⁵⁶

На наш взгляд, И. С. Вдовин правомерно выделяет обширный комплекс общих элементов культуры и у этих двух соседних народов, один из которых — азиатские эскимосы — был ассимилирован пришедшими на берег моря чукчами, воспринявшими в свою очередь много эскимосского в хозяйстве и культуре.⁵⁷

Все это так. Однако один очень специфический и существенный сюжет пегтымельских петроглифов можно считать, по тонкому наблюдению Н. Н. Дикова, определенно чукотским, а не эскимосским признаком. Это многочисленные и подчас явно канонизированные человекоподобные изображения грибов-мухоморов, имеющих только в чукотском языке особые названия для различных стадий развития мухомора.⁵⁸

В графическом искусстве чукчей выражались почти те же идеи, что и

в скульптуре, — сложные взаимоотношения охотника со зверем.

Это были прежде всего рисунки на деревянных предметах, предшествующие гравировке по кости, — изображения китов, моржей, касаток на сидениях в байдарках и на веслах. Эти рисунки выполнялись кровью нерпы, моржа или сажей и были сплошь закрыты цветом. Их силуэт был очень простым и выразительным, напоминая по своему лаконизму скульптурное изображение. Вполне возможно предположить, что скульптура, столь сильно развитая в народном декоративном искусстве чукчей, оказывала большое влияние и на характер графических изображений.

В XIX в. гравированные на кости рисунки чукчей встречались сравнительно редко. Так, описывая собранные Н. Л. Гондатти чукотские предметы, переданные им в МАЭ, В. Г. Богораз отмечал, что в эскимосских коллекциях с Аляски мало резных фигур, а «... в чукотско-коряцких почти нет рисунков, и только те немногие предметы этих последних коллекций, которые имеют эскимосское происхождение, представляют опять ряд рисунков, иногда еще более поразительных, чем рисунки, приведенные у Гофмана».⁵⁹

В старину изображениями покрывались китовые ребра, служившие перекрытием чукотской землянки. Доктор Мерк, посетивший в XVIII в. селения чукчей, записал в своем дневнике, что некоторые из китовых ребер, образующих крышу, окрашиваются в белый цвет и на них изображаются фигуры китов, байдар и прочих предметов, что «чукчами делается при празднествах».⁶⁰

По рисунку художника Л. Воронина (участника экспедиции Мерка), имеющемуся в собрании И. С. Вдовина, хорошо видны изображения на побеленных перекрытиях из ребер. Изображения байдар, рыб, морских животных, Солнца в виде круга с лучами дают представление о старинном рисунке чукчей. Изображения эти крупные, контурные, не объединенные в общую композицию.

Как уже отмечалось, у чукчей были весьма развиты рисунки на деревянных дощечках, на веслах и сидениях в байдарках. Это были наивно-реалистические охотничьи сценки, изображения морских животных, яранги. На праздниках Кита у чукчей фигурировали как большие, так и малые весла, покрытые рисунками. В своей работе о религии чукчей В. Г. Богораз опубликовал несколько рисунков больших весел, покрытых изображениями.⁶¹ На лопатке одного весла нарисованы лук со стрелами, стаи рыб, морские птицы, тюлени и моржи. На втором неизвестный чукотский художник нарисовал охоту на морских животных — на моржей и на кита. На третьем весле изображены звери тундры — олени, волки и лисицы, а также каяки и байдара с охотниками. Четвертое весло украшено геометрическим орнаментом и изображениями сенок из жизни шаманов и охоты на морских животных. Эти интересные рисунки на веслах В. Г. Богораз назвал «графическим заклинанием», явно подчеркивая их ритуальный характер.⁶²

Для всех рисунков на веслах и сидениях на байдарках характерно было четкое деление их на две группы: одни относились к морю и помещались на одной стороне предмета, вторые изображали сушу и располагались на другой его стороне.⁶³

Среди новейших чукотских изделий из кости, украшенных гравировкой, особый интерес представляют целые клыки моржа. Для XIX в. такие клыки не характерны, не встречаются они и среди археологических находок. И поэтому С. В. Иванов вполне убедительно, на наш взгляд, относит появление гравировки на целых клыках к концу XIX или к началу XX в., а самый ранний из известных пока датированных гравированных клыков он относит к 1904 -- 1907 гг.⁶⁴

В начале XX в. чукотские резчики и гравировщики начинают впервые придавать изображениям человека и животных индивидуальные черты. Целый клык позволил теперь увеличить площадь рисунка по сравнению с костяными плетинками XIX в. в несколько

раз. Поэтому на гравированных изображениях человека и животных появляются новые детали, ранее не интересовавшие художника, ограниченного небольшой поверхностью распиленного на мелкие куски моржового клыка или узкой пластинки из кости. Теперь, в начале XX в., художник изображает у людей лицо и одежду, у тюленей и медведей — шерсть, глаза, у оленей — копыта. У него начинает появляться также большой интерес к окружающему пейзажу — к холмам, травам, кустам, морским волнам, плавающим льдинам, облакам. Таким образом, с самых первых лет XX в. значительно расширяется познавательная сторона народного декоративного искусства чукчей, получает право на существование новая грань исторически развивающихся этнических традиций.

Говоря о дореволюционном периоде развития чукотской резной кости, следует отметить и ряд черт негативного характера, несколько снижающих художественную ценность этого вида искусства.

Во-первых, с приходом на Чукотку русских и с проникновением к чукчам железа и других нетрадиционных для них материалов постепенно теряются навыки обработки кости, так как костяные наконечники гарпунов, различные рукояти и другие изделия охоты и морского промысла заменяются теперь металлическими, совершенно исчезают традиционные навыки рельефной резьбы на предметах охоты, гарпуны делаются весьма упрощенно, без всякой орнаментации. Резьбой по кости начинает заниматься все меньшее число чукчей.

Во-вторых, с появлением в середине XIX в. у берегов Чукотки чужеземных (преимущественно американских) китобоев, промышленников и

торговцев стали появляться безвкусно исполненные «экзотические» изделия из кости в виде ложек, ножей, шпилек, колец для салфеток, моделей нарт, шун и т. п. Покупатели-янки заказывали чукотским резчикам только такие изделия, которые как «примитивные» и «туземные» можно было выгодно продать на рынках Америки. Стремясь угодить извращенным грубым вкусам заказчиков, чукчи стали выполнять из кости вещи, совершенно чуждые им по своему назначению и характеру, повторяющие по сути дела предметы англо-американского обихода. Нельзя не упомянуть и о нездоровых тенденциях, вызванных этим чуждым для национального искусства чукчей спросом. Так, на одном клыке чукотской работы можно увидеть изображение полуобнаженной женщины с крестом на шее и бутылкой в руке. Очевидно, в свое время такие сюжеты находили своих покупателей среди лиц, посещавших Чукотку.⁶⁵

Рассматривая, однако, в целом народное декоративное искусство чукчей в XVIII—XIX вв. и в начале XX в., можно отметить устойчивость их представлений о мире, что нашло свое выражение в анималистической скульптуре, в ритуальных рисунках на дереве, в простой и строгой красоте орнамента, украшавшего традиционную одежду и обувь, пояса и сумки, коврики и мячи.

Значительным событием в искусстве начала XX в. является рождение сюжетной гравировки на моржовом клыке, которая представляет собою следующую важную ступень в графическом искусстве чукчей и азиатских эскимосов. Но сюжетная гравировка на кости появилась не на пустом месте. Ее истоки следует искать в петроглифах Пегтымеля, в ритуальных рисунках на дереве.

